

УДК 37.03
ГРНТИ 14.07.03

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

*А.Н. МАХИНИН, кандидат педагогических наук
Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж)
Т.Ю. СКИБО, кандидат педагогических наук, доцент
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

Авторы размышляют о противоречивом контексте протекания социокультурных процессов в российском обществе и их влиянии на обретение молодыми людьми позитивной российской идентичности. По мнению авторов, кризисное состояние современных социокультурных практик и механизмов их трансляции могут служить предпосылками деформаций как различных видов идентичности в частности, так и процесса социализации в целом. Исследование деформаций российской идентичности направлено на выявление существенных различий конкретных диагностируемых антропо-образов с их идеальными содержательными моделями, конструирующими российское сообщество.

Ключевые слова: антропо-образ, идентичность, деформации идентичности, социокультурное пространство, молодежь.

RUSSIAN IDENTITY OF YOUTH UNDER CONDITIONS OF SOCIO-CULTURAL DEFORMATIONS: POSSIBILITIES OF PEDAGOGICAL INFLUENCE

*A.N. MAHININ, Candidate of pedagogic sciences
Voronezh state pedagogical University (Voronezh)
T.YU. SKIBO, Candidate of pedagogic sciences, Assistant Professor
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)*

The authors reflect on the contradictory context of socio-cultural processes in Russian society and their impact on the acquisition of positive Russian identity by young people. According to the authors, the crisis state of modern socio-cultural practices and mechanisms of their translation can serve as prerequisites for deformations of different types of identity in particular, and the process of socialization in general. The study of deformations of Russian identity is aimed at identifying significant differences between specific diagnosed anthropo-images and their ideal content models that construct the Russian community.

Keywords: anthropo-image, identity, deformation of identity, socio-cultural space, youth.

Введение. Характерной чертой «текущей современности» (термин З. Баумана [1]), по признанию многих экспертов, является повышенная неопределенность, систематические радикальные перемены образа жизни и моделей поведения, кризис устоявшихся институтов социокультурного наследования и передачи опыта. Сегодня принято говорить об эпохе индивидуализма, которую обычно характеризуют социальным сиротством, беспочвенностью существования, кризисом самолокализации, безродностью и социальным атомизмом – современными болезнями, не позволяющими личности достигать идентичности в ее подлинном смысле. Ряд исследователей (К.О. Андреюк, Е.Т. Соколова, А. Bateman, P. Fonagy и др.) склонны предлагать клиническую интерпретацию утраты «Я» в современном мире,

обусловленные все возрастающей замкнутостью субъекта на самого себя и индифферентностью по отношению к Другим, и, как следствие, обострением проявлений уныния, безразличия, апатии и пр., которые следует рассматривать как угрожающие устойчивости и жизнеспособности современного общества социально-психологические и педагогические патологии [2]. Потому настолько актуальны сегодня рассуждения в публичной риторике, научном дискурсе и бытийной практике повседневности скрупулезные и настойчивые поиски понимания ответа на вопрос «кто есть я?».

Актуальность. Современные исследования идентичности часто ведутся в русле модной тенденции, смысл которой в рассмотрении идентичности как личного выбора. Этот выбор может быть обусловлен как средовыми, так и феноменологическими причинами: он может зависеть от социального окружения, конкретной жизненной ситуации, выстраивания отношений со значимыми другими в разных плоскостях и системы ценностей референтной группы; во многом он определяется индивидуальными особенностями формирования психологических структур человека в онтогенезе. Исходя из данной точки зрения можно говорить о «текучести» идентичности, которая может меняться в течение жизни под влиянием самых разнообразных факторов внешнего и внутреннего характера.

При этом в самой гуманитарной науке сегодня присутствует известная двойственность: идентичность можно интерпретировать «как процесс и одновременно как результат самоопределения социального субъекта в направлении понимания своего отличия от других, дистанцирования себя от других» [3]. Это достаточно распространенная практика обретения субъектом и / или группой идентичности и в современных условиях, т.е. когда речь идет не о позитивном самособирании, а ведущим выступает принцип противостояния / противопоставления Другому / Другим, как «Мы – Они». «В известной степени идентичность задает некий автоматизм деятельности вышеуказанных ментальных структур, а также некоторым бессознательно протекающим актам, проявляющимся на уровне общественного сознания» [4].

Однако даже это утверждение представляется достаточно спорным, поскольку в известной степени формирование непротиворечивой (позитивной) идентичности для больших социокультурных общностей является достаточно условным. Так, очевидно, что в большинстве развитых стран за счет углубляющегося социально-экономического разрыва между социальными группами уже можно говорить о противостоянии культур бедной и богатых частей социума, как следствие, отсутствия у них общего представления о системе ценностей и разделяемых всеми антропо-образов для формирования общей коллективной идентичности и моделей поведения. Закономерным итогом данных процессов становится еще большее стимулирование фрагментации общей идентичности (культурной, гражданской, национальной и пр.) представителей российского общества. В этом смысле показательны последние результаты опроса ВЦИОМ «Левада-Центр» от 22–28 ноября и 13–19 декабря 2018 года, в каждом из которых приняли участие более 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 136 населенных пунктах 52 субъектов РФ.

Так, «представление о россиянах как общности у жителей страны, как и раньше, связано с прошлым опытом и достижениями. Среди наиболее значимых событий, дающих основание для гордости по-прежнему «Великая победа 1945» (87 % респондентов), «полет в космос и его освоение» (около 50 %), «золотой и серебряный век русской литературы» (более 40 %). Эти данные были подтверждены и в ходе анализа ответов о связующих нитях с народом: 53 % респондентов указали на «нашу историю», «наше прошлое». Из возможных для выбора компонент национальной идентичности к современности относится только «возвращение Крыма» (45 %), что свидетельствует о важности территории, земли как фактора, определяющего – в позитивном ключе – коллективное «мы» (отсюда и такая жесткая негативная реакция большинства россиян на возможную передачу Курильских островов Японии или даже публичное обсуждение подобной перспективы)» [5].

«Чувство стыда, напротив, концентрируется преимущественно вокруг настоящего, в котором основное огорчение практически у двух третей опрошенных вызывают бедность и неустроенность (ранее мы неоднократно отмечали, что низкие доходы представляют основную болевую точку в «рейтинге» самых острых социальных проблем и являются поводом для претензии к институтам власти). На третьем месте – «грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу (37 %)», на четвертом – «отставание от Запада» (24 %), запрос на нормализацию отношений с которым в российском обществе растет» [5].

К указанным данным считаем также целесообразным добавить то, что в XX веке как минимум три раза радикально менялись основания, которые должны были выступать фундаментом для воспитания поколений и формирования у граждан чувств социального единства на основе общей идентичности. В итоге привело к распаду ценностно-смыслового ядра отечественной культуры, следствиями которого можно считать нравственный релятивизм и культурный плюрализм, свидетельствующие о глубоком мировоззренческом кризисе в российском социуме, делающего невозможным поиск и достижение общего культурно-смысловых оснований культурной идентичности (как подвида общей социокультурной идентичности) в современном российском обществе.

Отсутствие в силу указанных выше обстоятельств четких, непротиворечивых, удовлетворяющих интересам всех социальных групп и общностей в современной РФ идентификационных маркеров, спровоцировало в настоящее время появление новых запросов на виды идентичности: востребованной стала актуализация региональных, локальных и даже местных идентификационных практик, формирующихся с учетом ценностно-символического социокультурного пространства региона или локально-территориального субъекта (М.П. Крылов, В.А. Тишков, А. Paasi, K. Zimmerbauer и др.) [6, 7, 8].

В процессе любой интеракции человек основывается на восприятии и усвоении признаков и проявлений обобщенных образов и моделей поведения, свойств другого человека, который может быть идентифицирован как «свой» или «чужой» («иной», «другой»). Естественно, что интеракция в данном контексте предполагает наличие некоего дискурсивного события, которое не требует ни логического обоснования, ни эмпирических доказательств, но дает возможность человеку как члену общности распознать в конкретном социокультурном пространстве нормативные образы другого и себя, которые воспринимаются и осваиваются как наличествующие и действующие. Это объясняет качество процесса становления идентичности социальной общности и личности, которое напрямую зависит от определения переживаемой значимости субъектных отношений, т.е. при «снижении или исключении (в крайнем варианте) одного из символических составляющих структуры идентичности («Я», «Он», «Мы», «Они») происходят различные деформации идентичности личности и группы – инфляция, дефляция, дефицит, солубизм» [9]. Их обобщенная характеристика представлена в таблице 1.

Инфляция идентичности случается вследствие девальвации или исключения антропо-образа «Он», а индивид при этом «переживает неоправданное и неподкрепленное превосходство, расширяя свое личностное начало благодаря экспроприации потребных качеств и свойств, действий группы» [10], «списывает собственные неудачи на группу» (формула «кто не со мною, тот против меня»).

Дефляция идентичности наблюдается в ситуации девальвации или исключения антропо-образа «Они». Это обуславливает «атрофию развития индивидуальности, человек стремится компенсировать или оправдать свое поведение за счет комфортного и удобного убежища («где хорошо, там и родина»). Проблематичность заключается в иллюзорности, а, следовательно, – утопичности самой идее исключения группы «Они», учитывая, во-первых, очевидный факт наличия групповых различий в общем плане – культурных, этнических, гендерных, возрастных и пр., и, во-вторых, значимость различий для развития личности и группы – развития в различиях» [10], что в целом не противоречит идее об идентичности как наиболее динамичной части более устойчивой «Я»-концепции.

Таблица 1 – Варианты деформации идентичности личности (по Д.Е. Барашевой)

Тип деформации идентичности	Редукция ценности	Стиль интеракции	Смысловые установки и результат идентичности
Инфляция	По отношению к другому субъекту «Он»	Авторитаризм	<i>Эгоцентризм</i> Нарциссизм идентичности
Дефляция	По отношению к другим субъектам «Они»	Либерализм	<i>Неотчуждаемая принадлежность:</i> спутанная идентичность
Дефицит	По отношению к сходным субъектам «Мы»	Оппозиция (выраженная или скрытая конфронтация)	<i>Ассиметричная децентрация:</i> конкурентная идентичность
Солюбилизм	По отношению к собственной автономности «Я»	Конформизм	<i>Отчуждаемая принадлежность:</i> присвоенная/ спроецированная идентичность

Дефицит (недостаточность) идентичности возникает по причине снижения или исключения антропо-образа «Мы» вследствие обеднения или лишения социально близких отношений, которые необходимы человеку для переживания идентичности – базового потребного чувства включенности в группу, что способствует снижению страха, одиночества. Личность с дефицитом идентичности может привести к маргинальному состоянию даже внутри доминирующей, «своей» социокультурной группы/общности («сумев отгородиться от людей, я от себя хочу отгородиться», И. Бродский).

Наконец, солюбилизм как форма деформации идентичности происходит в ситуации ослабления или исключения антропо-образа «Я». Это происходит по причине присутствия страха быть собой, изоляции и подсознательной тревоги быть отвергнутым «своими», не стать частью «мы» в данной доминантной или культурной группе (по причине несоответствия ожиданиям, нарушениям психосоматического характера и пр.) («потерять себя, но быть угодным другим»). Э. Фромм в этой связи писал: «... превратившись в отражение чужих ожиданий, человек в значительной степени теряет самого себя, а вместе с тем и уверенность в себе. Чтобы преодолеть панику, к которой приводит эта потеря собственного «Я», он вынужден приспособливаться дальше, добывать себе «Я» из непрерывного признания и одобрения других» [11].

Все выявленные случаи деформации идентичности объединяет искажение или девальвация в структуре базового набора идентичности (М.В. Шакурова) [12], происходит редукция аксиологической системы ценностно-смыслового ядра идентичности и, как следствие, расстройство социального и личностного стилей интеракции.

Особое внимание в понимании и преодолении данных деформаций и взаимозависимостей между ними стоит уделить современной молодежи как социального субъекта, испытывающего противоречивое воздействие разных воспитательных практик, вариантов социализации в условиях отмечаемого выше отсутствия общенационального консенсуса и разделяемых всеми социальными группами системы идеалов и ценностей, увеличения экономического разрыва в российском обществе и кризисного становления гражданского общества. С нашей точки зрения, главным является задача четко определить нормативные каналы, агентов социализации и референтных других (в том числе с учетом культурного потенциала региона) [12], которые способны актуализировать для современного студента востребованные обществом культурные практики и формы их реализации. К таковым традиционно относят семью, систему образования, СМИ.

Однако, как свидетельствуют многочисленные глубинные экспертные опросы и экспериментальные исследования, для многих молодых людей сегодня выражена тенденция отсутствия позитивной идентичности, наблюдается сильная зависимость от поведенческих установок (транслируемых современных СМИ), что во многом способствует деперсонализации личностно-, культурно- и социально значимых антропо-образов и установок. Подобная позиция отчуждения часто выражается в минимально возможном уровне действий или вовсе апатии и безразличия на уровне культурного самоотождествления.

По признанию экспертных сообществ, более 40 % лиц студенческого возраста обнаруживают недостаточную социально-психологическую адаптивность, поскольку являются «обладателями» повышенного инфантилизма, высокого уровня тревожности и раздражительности, общей эмоциональной неустойчивости [13]. Аналогичные данные исследований за предыдущие периоды позволяют утверждать, что с каждым годом происходит повышение уровня психологической неустойчивости и общей невротизации в среде молодежи, увеличивается процентная доля студентов из «групп риска» со склонностью к асоциальному, агрессивному и суицидальному поведению, трансформации взаимоотношений с социумом.

Мы убеждены, что это стало следствием дефицита учета в современной России воспитательного потенциала в системе образования, неспособности во многом научить обучающихся совершать выбор по глубинным содержаниям, ибо многие предлагаемые им образцы поведения, ценности, антропо-образы не являются для них референтными. Основная воспитательная проблема в этой связи выглядит как проблема реализации принципа «человекоразмерности» идентичности. Это значит, что предлагаемые к усвоению антропо-образы не должны быть по сути нормой, чуждой подрастающему поколению. В существующих социокультурных условиях возможно выделение таких объективно существующих антропо-образов, которые являются привлекательными и вполне доступными для усвоения молодежью. Задача педагогов состоит не только в определении антропо-образов, в их конструировании, но и обеспечении их привлекательности и доступности.

Вследствие упущения данной не вполне очевидной сущностной особенности для современной педагогической теории и практики, в которых еще по-прежнему господствуют прямые методы воспитательного воздействия, которые далеко не всегда не учитывают сформированный у субъекта воспитания личностные опыт и его установки. То есть, те характеристики личности, которые нам казались правильными, сегодня в сознании молодежи либо уже изменились, либо вовсе не существуют. Вследствие этого система образования и воспитания закономерно столкнулись с парадоксальным явлением: «благодаря» нашим усилиям у многих современных молодых людей оказалась сформированной модель неправильного выбора. Это со всей очевидностью подтверждают данные исследований ценностных ориентаций российского студенчества.

Так, результаты исследовательского проекта «Портрет российского студенчества: по результатам социологического опроса» за 2017-й год, реализованного в 109 российских вузах, во многом подтверждает высказанные выше предположения [14]. Часто отмеченное в ответах студентов стремление к самореализации на деле означает не нацеленность в будущее, принципиально иное смысловое содержание, а именно «желание путешествовать, красиво выглядеть, быть интересным человеком, иметь друзей, а государство должно сделать так, чтобы у меня все это было» [14].

Также была обнаружена «продолженная стадия так называемой агрессивной инфантильности среди молодежи под лозунгом «Нам все должны»: в молодежной среде не привито желание скромно и добросовестно работать и жить на благо своей семьи и Отечества» [6]. Мы полагаем, что серьезный акцент на агрессивную инфантильность у современных молодых людей является прямым следствием долгого внимания системы образования и смещения ее приоритетов в направлении и желании общества воспитать и обучать талантливую и креативную лидера и высказываемого выше соображения о недоучете

коллективных воспитательных практик и скатыванию большой процентной доле молодых людей, не ставших лидерами, к маргинальному состоянию. На этот феномен обратили внимание еще в 1930-х годах американские социологи, когда маргиналы были отнесены к тем же субкультурам. Однако современные данные позволяют утверждать, «что сама по себе маргинальность, как и субкультурность, не только не несет негативных импульсов, не является показателем девиантности человека или социальной группы, но и способствует созданию «субкультурными маргиналами» творческих инноваций, которые и возникают, как правило, на «стыках» культур» [14].

Д.И. Дубровский в этой связи обращает внимание на тот факт, что большей креативной маргинализации подвержены те представители молодого поколения, для которых характерна перманентная транзитивность, при этом конструктивность или деструктивность формирующейся в процессе социализации маргинальности будет определяться теми внешними и внутренними факторами, которые встретятся молодым людям на пути приобретения ими идентичности [15]. В крайних деструктивных формах, по мнению исследователя, маргинальность может вызывать негативацию идентичности, а также децентрацию сознания и самосознания.

Работы Д.И. Дубровского интересны анализом различных типологических и таксономических форм существования самосознания и идентичности: от блуждающего, децентрированного «Я» до сверхцентрированного, маньякального Эго [15]. Развитие феномена децентрированного «Я» связано с возникновением дисбаланса в процессе центрации. Для децентрированного «Я» характерно блуждание в себе, смена ценностей и нравственных ориентиров, проблемы в коммуникации и затруднения в определении ее подлинности. Для суперцентрированного «Я» наоборот характерна жесткая иерархическая организация. Как правило, такие молодые люди становятся яркими спортивными фанатами или религиозными адептами или даже экстремистами, политическими радикалами.

Тем не менее, оба этих варианта отличает так называемая *размытая (эклектическая, мозаичная)*, или *спутанная идентичность*, что особенно соответствует духу постмодернистской культурной традиции и виртуальной культуре. Часто оказываясь в состоянии одиночества (в семье, группе, социуме и пр.), молодой человек именно посредством субкультуры может открыть для себя то «экзистенциальное пространство», в рамках которого он сможет обрести собственную идентичность и относительную автономность.

Избежать деформаций аксиологического пространства культуры, кризисное состояние которого провоцирует продолжение углубляющегося идентификационного кризиса как в отдельно взятой национальной культуре, так и в масштабах мирового культурного диалога возможно только при условии *возрождения и сознательного воспроизводства традиционных ценностей в новых социокультурных условиях*. Институт образования выступает в качестве единственной специально созданной социокультурной структуры, которая помогает человеку целенаправленно и организованно формировать его сознание, упорядочивать возникающие эмоциональные состояния, воспитывать чувства и личностные качества молодых людей. Именно через институт образования возможна передача этнической идентичности и национальной культуры в виде элементов социальной, духовной и материальной деятельности, организованной на основе исторических обычаев и традиций, отличающихся от современной массовой надэтнической и иноэтнической культуры.

Нами предпринята попытка выделить отдельные затруднения, объективно влияющие на качество становления российской идентичности у молодежи. Их признание и оценка социальных рисков, возникающих в связи с наличием данных препятствий на пути формирования позитивной российской идентичности у подрастающего поколения, позволяет актуализировать разработку идей и практики педагогического влияния, основанных на современной гуманистически ориентированной системе социального воспитания.

Исходя из выше изложенного и проанализировав опыт работы различных образовательных организаций по формированию и сопровождению у учащихся гражданской идентичности, мы разделяем понимание того обстоятельства, что для достижения поставленных обществом и государством целей современной подготовки личности необходимо создать и обеспечить реализацию *функциональной модели формирования российской идентичности личности в воспитательном пространстве образовательной организации*, отображающей образовательную практику в целом в системе ее связей с социальной средой (рисунок 1). Прежде всего, речь идет о формировании гражданской идентичности в структуре российской, что обусловлено не только общественными и государственными запросами, но и потребностями самой личности, испытывающей объективную необходимость в становлении сознания и самосознания, адекватно отражающих реалии бытия, дающих основание для определения смысла существования, его наполненности и самооценности, приобретения личностью различных видов опыта и максимальной самореализации в деятельности и общении.

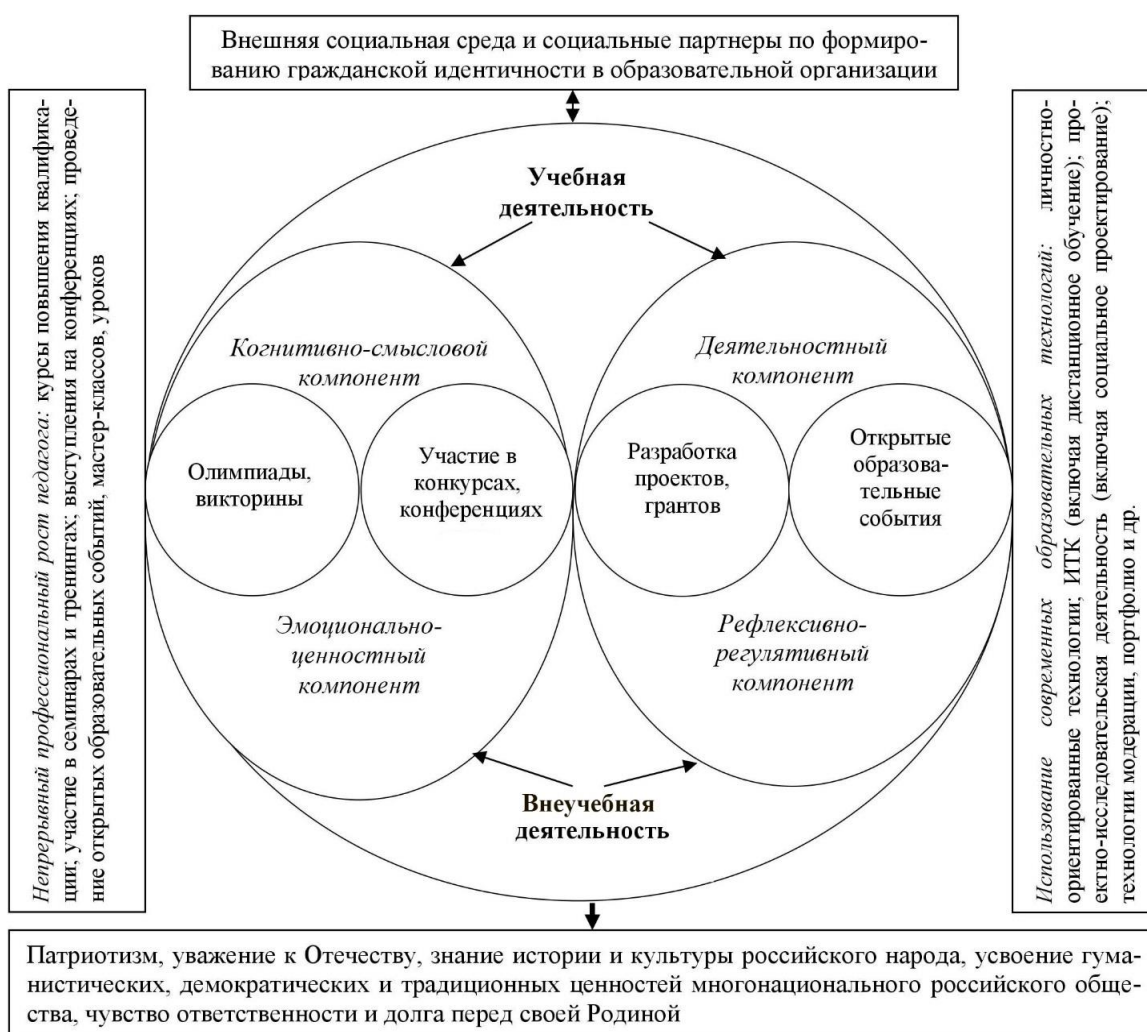

Рисунок 1 – Основы функциональной модели школы по формированию идентичности личности в образовательной организации (в данном случае – гражданской – как структурного уровня российской идентичности)

Такая модель формирования российской идентичности личности средствами образовательных технологий, по нашему мнению, позволит преодолеть существующие на сегодняшний день риски. Назовем главные из них.

Прежде всего, это риски, связанные с недостаточной информированностью многих родителей в вопросах воспитания, развития и сопровождения личности ребенка, их неготовность к осуществлению данных процессов на системной основе и гуманистических идеалах. Преодоление данных рисков возможно путем активизации педагогического просвещения родителей и включения их в новые формы взаимодействия с образовательными организациями (дистанционные, интерактивные, лично значимые).

Во-вторых, это риски морально-этического плана, когда практика построения общественных отношений такова, что в различных обстоятельствах жизни и деятельности человек не всегда может следовать усвоенным правилам поведения, отвергая интериоризованные нормы и ценности, если его личный опыт их осмысления и применения недостаточен или сила действия внешних обстоятельств велика. Преодоление данного риска возможно только в том случае, если у обучающегося активно формируется опыт реализации усвоенных норм и ценностей, что наиболее органично происходит в социально-преобразующей добровольческой и проектной деятельности, предполагающей активное взаимодействие со сверстниками, педагогами и родителями в принимающей социальной среде.

Третья группа рисков связана с разобщенностью и разнонаправленностью воспитательных воздействий. Повышение качества педагогического влияния требует не только интенсификации просветительской работы педагогических коллективов и родителей, но и приобщения их к актуальным воспитательным практикам и повышения социализирующего ресурса партнерства образовательных организаций и семьи в деле воспитания подрастающих граждан России и формирования у них позитивной российской идентичности.

Важным ориентиром при построении предлагаемой модели должно стать реальное участие молодежи в реализации деятельностных и событийных форм воспитательной и образовательной работы: это привлечение молодых людей к различным социальным проектам, волонтерским движениям, гражданским инициативам и пр. Для достижения указанной цели наиболее продуктивным с педагогической точки зрения, на наш взгляд, является интегративный подход, в рамках которого включение молодых людей в широкое социокультурное пространство осуществляется в тесной взаимосвязи учебной и внеучебной деятельностью (рисунок 2).

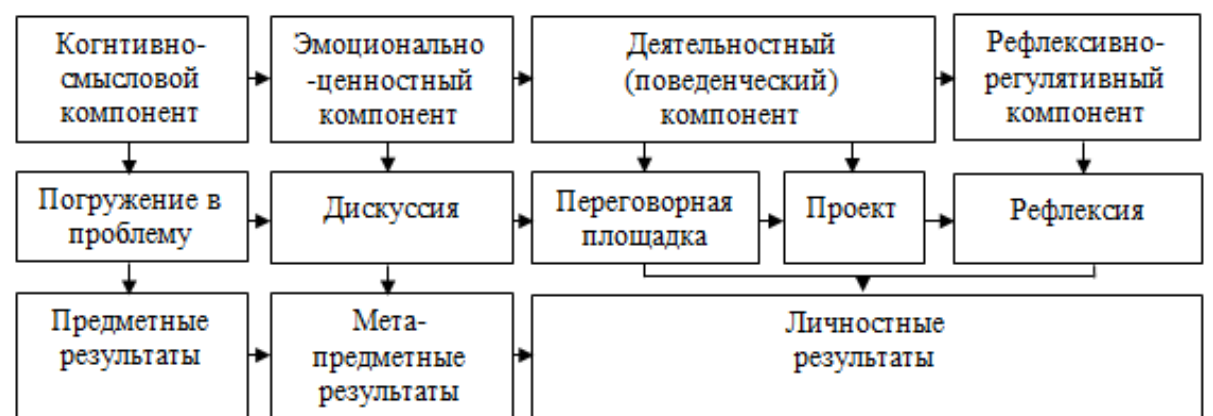

Рисунок 2 – Реализация интегративного подхода в учебной и внеучебной деятельности в контексте работы образовательной организации по формированию гражданской идентичности молодежи (на примере старшего звена)

Заключение. Мы выражаем надежду, что планомерная и систематическая работа в рамках представленной модели на всех ступенях образования, а в системе образования – особенно, позволит реализовать новую социально значимую миссию российского образования, состоящую в воспитании истинного гражданина своей страны. Ее фундаментальным основанием и залогом успешной реализации является развитие новых и традиционных форм

сотрудничества всех социальных институтов и образовательных организаций, обусловленных вызовами современности и востребованных настоящей педагогической практикой.

Мы убеждены, что именно такая консолидация усилий в вопросе становления и развития российской идентичности молодых людей реализуется через совместную жизнедеятельность главных участников образовательных отношений в условиях интеграции учебной и внеучебной деятельности, предоставляя возможность для интегрированного развития социальной составляющей в человеке, а также для воспроизводства духовного, культурного и национального наследия и своеобразия, необходимого для формирования российской идентичности подрастающих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // *Эпистемология & философия науки*. 2014. Т. ХLI. № 3. С. 191–209.
3. Римская О.Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре // *Наука. Искусство. Культура*. 2014. Вып. 3. С. 25–33.
4. Романенко И.Б. Экзистенциализм и персонализм: Определение образовательных идеалов XXI века // *Известия РГПУ. Общественные и гуманитарные науки (философия)*. 2005. №5(10). С. 59–65.
5. Национальная идентичность и гордость. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost (дата обращения: 20.08.2019).
6. Крылов М.П. *Региональная идентичность в Европейской России*. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
7. *Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест* / Под ред. В.К. Мальковой и В.А. Тишкова. Ростов-на-Дону: ИЭА РАН – ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.
8. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. № 71–72. P. 167–198.
9. Барашева Д.Е. Реляция гетерогенности и гомогамности как условие идентичности личности: структурно-функциональная модель // *The Peculiarity of Man*. 2013. № 18. С. 37–56.
10. Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с.
11. Фромм Э. *Бегство от свободы. Человек для себя*. М.: АСТ, 2006. 571 с.
12. Шакурова М.В. Социокультурное пространство как условие становления социокультурной идентичности личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).
13. Филоненко В.И. Современное российское студенчество в транзитивном обществе: противоречия и парадоксы социализации: автореф. дис. ... докт. социол. наук: 22.00.06. Тюмень: ЮФУ, 2009. 48 с.
14. Портрет российского студенчества: по результатам социологического опроса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/announcements/206224321.html> (дата обращения: 26.09.2019).
15. Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. SPb.: Piter, 2008. 240 p.

2. Sokolova E.T. Utrata Ya: klinika ili novaya kul'turnaya norma? // `Epistemologiya & filosofiya nauki. 2014. T. XLI. № 3. Pp. 191–209.
3. Rimskaya O.N. Krizis lichnostnoj identichnosti v postsovremennoj kul'ture // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2014. Vyp. 3. Pp. 25–33.
4. Romanenko I.B. `Ekzistencializm i personalizm: Opredelenie obrazovatel'nyh idealov HHI veka // Izvestiya RGPU. Obschestvennye i gumanitarnye nauki (filosofiya). 2005. №5(10). Pp. 59–65.
5. Nacional'naya identichnost' i gordost'. [`Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost (data obrascheniya: 20.08.2019).
6. Krylov M.P. Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii. M.: Novyj hronograf, 2010. 240 p.
7. Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorij, regionov i mest / Pod red. V.K. Mal'kovoju i V.A. Tishkova. Rostov-na-Donu: I`EA RAN - YuNC RAN, 2012. 312 p.
8. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. 2011. № 71–72. Pp. 167–198.
9. Barasheva D.E. Relyaciya geterogenosti i gomogamnosti kak uslovie identichnosti lichnosti: strukturno-funkcional'naya model' // The Peculiarity of Man. 2013. № 18. Pp. 37–56.
10. Dubrovskij D.I. Problema «drugogo soznaniya» M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2009. 472 p.
11. Fromm `E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya. M.: AST, 2006. 571 p.
12. Shakurova M.V. Sociokul'turnoe prostranstvo kak uslovie stanovleniya sociokul'turnoj identichnosti lichnosti [`Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf> (data obrascheniya: 20.08.2019).
13. Filonenko V.I. Sovremennoe rossijskoe studenchestvo v tranzitivnom obschestve: protivorechiya i paradoksy socializacii: avtoref. dis. .. dokt. sociol. nauk: 22.00.06. Tyumen': YuFU, 2009. 48 p.
14. Portret rossijskogo studenchestva: po rezul'tatam sociologicheskogo oprosa [`Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ioe.hse.ru/announcements/206224321.html> (data obrascheniya: 26.09.2019).
15. Dubrovskij D.I. Problema «drugogo soznaniya» M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2009. 472 p.

© Махинин А.Н., Скибо Т.Ю., 2019

Махинин Александр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный педагогический университет», 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86, alex-makhinin@yandex.ru.

Скибо Татьяна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник 21 научно-исследовательского отдела научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией Военно-воздушных сил), Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54 А, tatskibo@yandex.ru.